

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА С ПОЗИЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ (НЕЮРИДИЧЕСКИХ) НАУК

УДК 316, 329, 340

Некоторые мысли по поводу социализма и русской правовой традиции

Е. Б. Хохлов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Хохлов, Евгений Б. 2020. «Некоторые мысли по поводу социализма и русской правовой традиции». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 481–507. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.215>

В статье исследуется сущность концепций социализма, сформулированных главным образом на протяжении XIX столетия, и те социальные, экономические и политические последствия, которые возникли при попытке реализации одной из таких концепций, именно марксистско-ленинской, в России. Поводом для такого анализа явилась проблема соотношения двух категорий: идеологии социализма и русской правовой традиции. Что первично в этих двух категориях, а что является следствием: идеология ли социализма породила советскую социально-политическую практику, в особенности первых лет советской власти, или данная практика стала проявлением русского правового сознания, которое реализовывало практику под социалистическими лозунгами, извращая социалистическую идею? Именно последняя позиция формулировалась многочисленными критиками советского реального социализма. В статье делается вывод об универсальном характере социалистической идеи: в своем практическом воплощении она с неизбежностью должна приводить к тем экономическим, социальным, политическим и идеологическим последствиям, которые воплощены в советской социалистической модели. В этом смысле советская модель есть эталон реального социализма, что, однако, вовсе не означает, что она уникальна: любая другая страна, вознамерившись построить у себя социализм, с неизбежностью вынуждена будет создать нечто подобное в своих принципиальных чертах. Концепция социализма, сформулированная в XIX в., имеет два главных идеологических источника: 1) реакция на идеологию и практику либерализма, ставшего господствующим учением на рубеже XVIII–XIX столетий; 2) вера в могущество человеческого разума. Человечество, полагали социалисты — приверженцы идеи социального прогресса, достигло такого

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

уровня интеллектуального развития, что вполне способно построить свое собственное общежитие на рациональных и гуманных основаниях. В статье анализируются те изменения, которые должны будут произойти при реализации этой, в сущности, благой идеи.

Ключевые слова: социализм, либерализм, советская социалистическая модель, государство как субъект хозяйства, права и свободы личности, русская правовая традиция.

1. Введение

Две основные причины заставили меня взяться за написание этой статьи.

Первая — очевидно усиливающаяся в нашем обществе (а возможно, и во всем мире) ностальгия по социалистической модели общества; причем у нас она принимает форму своего рода лозунга «*назад в СССР*», т. е. назад не просто в существовавшую некогда и разрушенную страну, но возвращение именно к той экономической, политической и социальной системе, которую эта страна практиковала.

Второй, более непосредственный повод — опубликованная недавно статья профессора И. Ю. Козлихина (Kozlikhin et al. 2019), посвященная русской правовой традиции, в которой упоминается и мое имя. Мне показалось уместным, ничуть не вступая в полемику с моими коллегами (уровень их статьи я оцениваю весьма высоко), отталкиваясь от изложенных в ней идей, попытаться сформулировать ряд своих мыслей по проблеме, которые кажутся мне существенными.

Переходя непосредственно к указанной проблеме, обращаю внимание прежде всего на факт, который может показаться довольно странным.

Столетие назад выдающийся русский мыслитель, социалист по убеждениям М. И. Туган-Барановский констатировал: о социализме существует необозримая литература; одно перечисление важнейших литературных источников социализма занимает в известном библиографическом сборнике (Штаммгамера) два толстых тома, и это притом что сборник включает в себя только небольшую часть социалистической литературы (Туган-Барановский 1996, 80).

За прошедшее столетие объем социалистической литературы, если принять во внимание факт существования «реального социализма», разумеется, неизмеримо возрос, так что этот объем, вероятно, следовало бы считать не томами, а общей массой, причем даже не в килограммах. Именно потому, что сколько-нибудь серьезная попытка обозрения и анализа этого необъятного количества произведений по социалистической проблематике заведомо обречена на провал, я и не ставлю здесь такой задачи, ограничивая предмет данной статьи только тем аспектом проблемы, который был обозначен в упомянутой работе профессора И. Ю. Козлихина¹.

Парадокс же заключается в том, что при всем обилии научных и публицистических работ, посвященных социализму, остается неясным, что же, собственно говоря, есть социализм. Весьма резко об этом высказался О. Шпенглер: «Огромная масса социалистов сразу же перестала бы быть таковой, если бы хоть отдаленно смогла понять социализм тех девяти или десяти людей, которые сегодня понимают его во всех его крайних исторических последствиях» (Шпенглер 1998, 513). В бо-

¹ В значительной мере в своих выводах я опираюсь на мою большую работу, опубликованную несколько лет назад (Хохлов 2013), которая, таким образом, является основой для этих выводов.

лее мягкой форме то же самое констатирует М. И. Туган-Барановский, который как раз и ставит в своей упомянутой работе задачу раскрыть сущность социализма. Однако его книга с очевидностью свидетельствует о том, что ему это не удалось: высочайшего класса ученый, он, увлеченный социалистической идеей, становится по-детски наивным (это мягко сказано), когда рассуждает о будущем социалистическом устройстве общества, не будучи в состоянии свести воедино свой прекраснодушный либерализм и персонализм со своими же экономическими и организационными рецептами построения лучшего (социалистического) будущего. Однако у меня возникает впечатление, что констатация Шпенглера может быть адресована и ему самому: лет десять с лишком спустя он сам блестящим образом демонстрирует, что отнюдь не находится в числе «тех девяти или десяти людей, которые сегодня понимают его во всех его крайних исторических последствиях», если судить по его оценкам реального русского социализма. Якобы его (Шпенглера) «немецкий» социалист Маркс не имеет никакого отношения к царившей в советской России вакханалии, которую, разумеется, европеец Шпенглер считает не социализмом, а монголо-татарским рецидивом (Шпенглер 2007, 65 и сл.).

Вообще замечу, что «реальный социализм», прежде всего советского образца, на протяжении всей своей истории оставался объектом критики, причем со стороны сторонников социалистической идеи, именно за то, что он был на самом деле не социализмом, или, во всяком случае, не совсем социализмом. Так было в ленинскую эпоху, когда советскую социалистическую систему критиковали, например, «старые» социалисты, такие как Г. В. Плеханов или П. Б. Аксельрод; так было и в сталинский период (вспомним упомянутого выше О. Шпенглера; можно также упомянуть и Л. Д. Троцкого, сетовавшего в эмиграции на «преданную революцию», как и на то, что «свинцовый зад бюрократизма» задавил социализм). Не является исключением и позднейший период, когда социалистические критики советского социализма предлагали разного рода альтернативные концепции вроде некоего «демократического социализма» или «социализма с человеческим лицом». Собственно говоря, в этом же ряду находится и критика реального социализма правящей советской политической верхушкой в конце 1980-х годов, когда под лозунгом перестройки попытались реализовать кардинальную ревизию существовавшей социалистической модели, приведшую в конечном счете к ликвидации страны.

Остается задать вопрос: изменилось ли положение к настоящему времени? Судя по тому, что в обществе по-прежнему популярны ссылки на опыт «скандинавского социализма», «социалистического Китая» (причем последний нередко ставится в упрек нашей стране, не пошедшей по этому пути), не говоря уже о каких-то итальянских профессорах, толкующих о «ленинской партии нового типа» и о «диктатуре пролетариата», — судя по всему этому разнообразию мнений, внятного понимания сути социализма не достигнуто до сих пор.

2. Основное исследование

2.1. Социализм: генезис концепции. Переходя непосредственно к предмету, полагаю необходимым сделать предупреждение методологического характера, которое кажется мне весьма существенным. При характеристике той или иной социально-экономической модели чрезвычайно важно разделять те лозунги, которые

продуцирует такая модель, и внутреннюю логику системы, предопределяющую ее функционирование и историческую эволюцию. Например, вероятно, немного найдется в истории тиранических политических режимов, которые откровенно заявляли бы себя в качестве таковых, а не предлагали бы обществу по меньшей мере причины и мотивы, заставляющие их осуществлять именно такую, а не иную политику. Скорее напротив, чем более тираническим является политический режим, тем активнее он обосновывает свои действия эвдемоническими соображениями, т. е. всемерной заботой о народном благе.

Концепция социализма в своих основополагающих чертах сложилась в середине XIX в. (в отличие от социалистической практики, которая на много столетий и даже тысячелетий старше). Здесь нужно сделать как минимум два уточнения.

Во-первых, на самом деле было сформулировано несколько концепций социализма, среди которых наиболее известно деление их на утопический и так называемый научный социализм (Зомбарт 1906; Туган-Барановский 1996). Тем не менее все эти концепции имеют нечто общее, что и позволяет их объединить под общим наименованием, различая их, таким образом, лишь в деталях: реформационный или революционный, «научный» или утопический социализм (последний, по справедливому замечанию М.И. Туган-Барановского, с большим основанием может претендовать на то, чтобы именоваться научным).

Во-вторых, сама по себе социалистическая (и коммунистическая) идея сформулирована и обоснована весьма давно — достаточно вспомнить, что, например, такие разные люди, как Ф. Ницше и К. Поппер, называли Платона «первым социалистом», и они были не так уж неправы².

Важнейшей особенностью «нового социализма», по крайней мере на момент его формирования, являлось то, что это, строго говоря, была не концепция, а целое *мировоззрение*, включающее в себя систему взглядов философского, политического, экономического и социального порядков; причем это мировоззрение имело принципиально *позитивистский* (т. е. материалистический) характер. Конечно, существовали и идеалистические варианты социализма, однако господствующим был именно позитивистский вариант. Поэтому, как констатирует В. Зомбарт, признанный специалист по данной проблеме, в лучшем случае «даже там, где христианская вера еще не отступила перед натиском “просвещения” (как в Англии и Сев[ерной] Америке), социалисты подчиняют ее своему учению. Учение Христа служит там учению социализма. “Христос был первый социал-демократ!”» (Зомбарт 1906, 24).

Позитивистский (материалистический) взгляд на социальный мир с неизбежностью порождает взгляд на человека как на если не исключительно, то главным образом продукт социальной среды: среда формирует человека, поэтому путь «к лучшему будущему» — изменение социальных, политических и экономических условий жизни человека, построение рая на земле. При таких условиях «реформационный» или «революционный» социализм отличаются лишь по методам решения проблемы.

² Платон, разумеется, был далеко не единственным, хотя, пожалуй, наиболее известным. Можно в связи с этим вспомнить один из трудов Р. Пельмана, специально посвященный данному вопросу (Пельман 1910). Эта работа и поныне сохраняет научный интерес.

Итак, если отвлечься от лозунгов, в чем заключается формулируемый социалистами рецепт построения такого земного рая? На мой взгляд, в основе идеологии социализма лежат два взаимосвязанных источника.

Во-первых, социалистические взгляды стали *реакцией* на победу в странах Европы либеральной идеологии (конец XVIII — первая половина XIX в. — время господства (кратковременного) «манчестерского» лозунга *laissez faire, laissez passer*, в особенности это касалось в экономическом плане — Англии, в политическом — Франции). Данный факт прекрасно известен в социальных науках столетие и более назад, но был забыт позднее, причем забыт по чисто идеологическим причинам, ибо социализм есть по определению передовое учение и он не может быть реакционным. И идеология, и практика либерализма давали достаточно оснований для того, чтобы критиковать и отрицать и то и другое, трактуя методы борьбы с бедностью в Англии. Дабы описать этот тезис с максимально возможной краткостью, приведем некоторые суждения на этот счет классиков классической политической экономии³.

Томас Роберт Мальтус, автор ставшего знаменитым труда о народонаселении, в его первом издании пишет: «Человек, который родился в мире уже занятом, и если он не имеет существования от своих родителей, на которое он справедливо может претендовать, и если общество не нуждается в его работе, то он не имеет никакого права на малейший кусок пищи и в действительности ему незачем быть там, где он находится: на роскошном пиру природы нет для него свободного прибора, и она приглашает его удалиться, ибо до своего рождения он не спросил у общества, готово ли оно его принять» (цит. по: Brentano 1930, 97) (в последующих изданиях этот тезис был исключен).

Еще более суровый приговор Т. Мальтус выносит незаконнорожденным детям: «Обязанность каждого человека заботиться о своих детях, безразлично законных или незаконнорожденных, до такой степени очевидна и важна, что справедливость требует, чтобы общество было вооружено всеми возможными средствами для ее укрепления. Но я уверен, что для достижения этой цели нет более пригодного средства, как обнародование закона о том, что впредь попечение о детях возлагается исключительно на их родителей, а если они пренебрегут своей естественной обязанностью и покинут своих детей, то должны рассчитывать на то, что попечение об этих детях будет зависеть лишь от случайной помощи со стороны частной благотворительности» (Мальтус 1895, 132).

Принимая во внимание, что сам же Мальтус ранее указывал, что даже при существовавшей на тот момент системе благотворительности незаконнорожденный ребенок, отданный на попечение общественной благотворительности, обычно умирал в течение года, то понятно, что при полной отмене этой системы им вносится более или менее завуалированное предложение уничтожения незаконнорожденных детей.

Если отвлечься от чувств, которые охватывают современного человека при ознакомлении с приведенными суждениями, и попытаться сформулировать некоторые обобщения, то можно выделить несколько весьма примечательных моментов: 1) здесь весьма рельефно проявляется грань, отделяющая это новое социаль-

³ Подробное изложение проблемы см. в указанной выше моей книге (Хохлов 2013, § 48).

но-экономическое мышление от демографического оптимизма меркантилистов; 2) нельзя не заметить в буквальном смысле пропасти, отделяющей христианина, более того — священника Томаса Мальтуса от христианской доктрины, возвещаемой Средневековьем (в частности, Фомой Аквинским)⁴; 3) в данном случае мы сталкиваемся с протестантской идеей *предопределения*, только лишенной теологического содержания и принявшей посюсторонний характер. Как известно, протестантизм довел до логического завершения выработанную бл. Августином идею предопределения: небесная судьба человека определена Господом еще до его рождения, поэтому попадет ли он в ад или испытает небесное блаженство, ничуть не зависит от его земных усилий. Мальтус же переносит эту идею на земную почву, придавая ей характер объективно действующего природного (биологического) закона, и обществу не стоит пытаться преодолеть этот закон, более того, оно своими усилиями лишь усугубит последствия его нарушения. При этом наказание, «присужденное природой», должно постичь не одного, а как минимум двух субъектов: бедняка, неосмотрительно произведшего потомка и тем самым нарушившего природный закон, и самого этого ребенка. Ибо раз, как указывал А. Смит, природа во всякое время содержит то количество жителей, которое она способна содержать, это соотношение будет в любом случае достигнуто: произойдет *отбор*⁵.

Понятно, что в обществе далеко не все готовы были мириться с подобного рода трактовкой «объективных» реалий социальной жизни, выдвигая предложения по использованию других, более рациональных и гуманных способов преодоления бедности и нищеты. Одним из таких рецептов стало предложение об усилении заботы государства о социально уязвимых представителях общества, прежде всего посредством обеспечения им возможности своими руками добывать средства существования. Право на труд явилось в дальнейшем традиционным требованием программ социал-демократических партий⁶. Однако теория (Пуфендорф, Томазий, Лейбниц, Хр. Вольф, Зонненфельс, Юсти — в Германии, Н. де ла Мар — во Франции), а главное — практика полицейского права и полицейского государства, выработанные несколькими десятилетиями ранее, уже давали миру примеры подобного рода. Во всяком случае, Бертольд Отто, бывший, как кажется, критиком современ-

⁴ Не говоря уже о греческих и римских язычниках, которые — то ли из политических, то ли из гуманных соображений — считали необходимым заботиться о своих неимущих пролетариях. Исключение здесь, впрочем, составляет Спарта, которая, по легенде, уничтожала своих младенцев, признанных неспособными вести жизнь спартиата.

⁵ Отметим попутно, что, по некоторым данным, концепция Т. Мальтуса явилась одним из тех источников, из которых впоследствии родилась теория Ч. Дарвина. Фридрих Хайек, уделивший этому вопросу особое внимание, говорит: ошибочно считать, что социальные науки позаимствовали концепцию эволюции из биологии. На самом деле все было ровно наоборот. Ф. Хайек, аргументируя этот свой вывод, приводит ряд суждений на этот счет, в частности мысль С. Пирса (1893): «В своем “Происхождении видов” Дарвин просто распространил политико-экономическое понимание прогресса на все царство животной и растительной жизни». Этот сюжет, по словам Хайека, удачно подытожил Саймон Пэттен (1899): «Подобно тому как Адам Смит был последним среди моралистов и первым среди экономистов, так и Чарльз Дарвин был последним среди экономистов и первым среди биологов» (Хайек 2006, 41–42; 507–508).

⁶ Следует отметить, что это право было даже однажды легализовано (французской революцией 1848 г.). К. Маркс, как классический либеральный экономист, подвергнул сомнению возможность реализации этого права, но, как социалист и коммунист, выразил уверенность, что право на труд может и должно быть реализовано в обществе, претерпевшем радикальное революционное переустройство (Маркс 1956, 15).

ных ему концепций социализма, имел возможность напомнить их сторонникам, что еще столетие назад прусское общее земское право (Полный свод законов Прусского государства. Т. II. Ст. 19) содержало в себе «следующие, сильно забытые параграфы»:

§ 2. Лицам, нуждающимся в средствах и не могущим найти заработка для содержания себя и их семейства, надлежит указать работу сообразно их силам и способностям.

§ 6. Правительство вправе и обязано принять меры для предотвращения голодовок граждан и для воспрепятствования расточительности.

§ 7. Причины и основания, влекущие за собою вредную праздность, в особенности среди низших слоев народа, и ослабляющие склонность к трудолюбию, не должны быть терпимы в государстве.

Из этих строк усматривается, что право на заработок (т. е. право зарабатывать на жизнь своим трудом), по крайней мере в Прусском государстве, не представляет собой ничего нового, ничего неслыханного: Свод законов, завещанный потомству Фридрихом Великим, говорит об этом как о предмете вполне ясном, заключает автор (Отто 1900, 32).

Во-вторых, в основу социалистической концепции была положена, в сущности, очень благородная идея — вера во всемогущество человеческого разума. В этом смысле совершенно не случайно, что она была сформулирована в оптимистическом XIX в., в контексте небывалых успехов естественных и технических наук. В самом деле, если естествознание раскрывает и вот-вот раскроет последние тайны мироздания, когда человеческим разумом созданы невиданные прежде технологии, позволяющие без особого труда преодолевать огромные расстояния и перемещать большие массы грузов и людей с невиданными прежде скоростями, — спрашивается, неужели невозможно могущество этого разума обратить на само человеческое общежитие, преобразовать на рациональных основаниях условия социальной жизни, чтобы из нее была изгнана нищета, тяжкий труд и очевидно несправедливое (а стало быть, и нерациональное) распределение общественных богатств?

Подчеркивая единство категорий рациональности и справедливости нового общественного строя, прекраснодушный М. И. Туган-Барановский пишет: «Уже Платон назвал свое идеальное государство государством разума. Энгельс, противопоставляя социалистическое общество всем до сих пор бывшим формам общественного строя, охарактеризовал социализм как “царство свободы”, в противоположность существовавшим до сих пор обществам, являющимся “царством необходимости”. И Платон, и Энгельс выразили в данном случае одну и ту же мысль» (Туган-Барановский 1996, 259). Свой вывод М. И. Туган-Барановский объясняет следующим образом: все до сих пор бывшие формы общежития возникли путем стихийного исторического развития без решающей воли и мысли человека. Конечно, в основе общественного взаимодействия лежит целесообразное поведение людей. Однако то, что получается в результате столкновения тысяч отдельных человеческих волей, не входило в сознание и волю отдельных человеческих личностей или общественных групп, поведение которых привело к этому результату, бессознательному последствию общественного взаимодействия, общественной равнодействующей параллелограмма общественных сил. В этом смысле вся предшеству-

ющая история человечества и была царством необходимости, ибо человеческая разумная воля не могла овладеть (или не вполне могла овладеть) общественным строем и воспринимала его как нечто для нее объективно данное и независящее от нее. Социалистическое же общество принципиально отличается от всех прежних тем, что социализм мыслится как общество, в основу которого положен известный разумный план, положена определенная цель, определенная идея. Социалистический строй есть искусственная, придуманная форма человеческого общежития в противоположность естественным, стихийно развившимся формам общества, существующим ныне. Отсюда ясно, в каком смысле Платон имел право говорить о государстве, созданном его творческой фантазией, как о «государстве разума», а Энгельс мог говорить о социализме как о «царстве свободы» (Туган-Барановский 1996, 259 и сл.).

В связи с последним замечанием М. И. Туган-Барановского приходится констатировать два взаимосвязанных вывода: с одной стороны, он (при некоторых существенных частностях) дает вполне точную характеристику социалистического общественного строя, с другой — видимо, не замечая того, — тем самым выносит ему исторический приговор. Попытаемся развить эту мысль.

Итак, *строя* социалистический общественный строй, нужно организовать его на началах разума. Это следует рассматривать как *цель* такого строительства, однако промежуточную (служебную), ибо она обеспечивает достижение более высоких целей, прежде всего цели обеспечения справедливости и свободы личности. Но, переводя проблему в практическую область, следует поставить и решить вопрос о механизме *средств*, которые обеспечивали бы достижение указанной цели, т. е. вопрос о соответствующих социальных *технологиях*.

2.2. Экономическая основа социализма. Государство как субъект хозяйства.

Общество, организованное на началах разума (и как гипотетическое «царство свободы»), предполагает наличие хозяйственной системы, основанной на рациональных основаниях, т. е. функционирующей и управляемой единой волей, ориентированной на достижение определенных рациональных целей. Понятно, что это должно исключить взаимодействие, а тем более конкуренцию индивидуальных и групповых хозяйственных волей и интересов. Отсюда следует, что социалистическое хозяйство должно быть основано на планомерных началах. Однако для достижения этого нужно уничтожить существовавший доселе институт частной собственности на факторы (средства) производства — как экономическую основу хозяйственного плюрализма. Иными словами, нужно уничтожить *держателей* этих факторов (капиталов). Конечно, речь идет об *экономическом* уничтожении капиталистов (хотя не исключено и физическое их устранение). Понятно, что уничтожить капиталиста экономически можно, лишив его капиталов: капиталист без капитала есть в лучшем случае *бывший* капиталист. Как мы помним, марксистская концепция трактует этот акт одновременно и как завершение закономерного процесса, и как торжество справедливости: «экспроприаторы экспроприируются».

Однако ни «экспроприация экспроприаторов», ни менее жесткие способы уничтожения частной собственности (вроде выкупа или вытеснения из хозяйства экономическими методами) не являются окончательным решением проблемы, ибо возникает вопрос о том, кто должен отныне стать владельцем (или владельцами) факторов производства. Ответ «сами трудящиеся» (или «непосредственные про-

изводители») нас удовлетворить не может ввиду крайней неопределенности; он лежит в области идеологии и пропаганды, но не практической деятельности.

Неприемлемость варианта изъятия капиталов у капиталистов и распределения их между «трудящимися», не говоря уже о крайней технической сложности этой операции, была очевидна в принципиальном плане. Понятно, что, получив частичку капитала, рабочие тем самым немедленно превращаются в капиталистов, только маленьких, которые немедленно вступят в конкурентную борьбу друг с другом, в результате чего одни из них проиграют, а другие вырастут — и все вернется к началу. Такой вариант социализма, предлагавшийся в середине XIX в., определялся другими («истинными») социалистами «мелкобуржуазным» и, строго говоря, за социализм ими не признавался.

Однако такую же судьбу можно предугадать и для всех иных вариантов социализма — коммунального, синдикального, кооперативного⁷. Понятно, что корпоративные держатели капиталов отличаются от отдельного трудящегося-«капиталиста» лишь людским субстратом и (возможно) размером капитала, так что и они с неизбежностью вступят в конкурентную борьбу, только с более высокого уровня концентрации капитала, однако с тем же результатом. Но это только одна сторона, наряду с этим возникнет внутрикорпоративная конкуренция, не менее гибельная для корпорации. В связи с этим напомним, что некоторое время назад руководитель российской Коммунистической партии Г. А. Зюганов довольно активно агитировал за создание в стране хозяйствующих субъектов типа производственных кооперативов, или «народных предприятий». К сожалению, никто не догадался сообщить ему, что, во-первых, и те и другие хозяйственные формы легализованы действующим гражданским законодательством, а главное, во-вторых, что опыт функционирования таких форм имеется, и этот опыт отрицательный. В середине XIX в. в Англии, где большую популярность приобрела социалистическая идея, нашлись энтузиасты, вознамерившиеся воплотить ее в практику. С этой целью финансировалось создание «рабочих» промышленных предприятий, т. е. таких, где хозяйственная деятельность организовывалась бы без участия капиталиста, а полученные доходы распределялись непосредственно между рабочими. Иными словами, речь шла о производственных кооперативах, где, как кажется, уничтожались и труд по найму, и наниматель-капиталист. Действительность не оправдала «социалистических» ожиданий: значительная часть предприятий прекратила существование, не выдержав конкурентной борьбы вследствие чрезвычайно низкой производительности труда, в сохранившихся же произошла дифференциация членов на обычных наемных рабочих и фактических хозяев фабрики, причем, по отзывам современников, эти новые капиталисты оказались гораздо большими эксплуататорами своих бывших товарищей по классу, нежели «обычные» капиталисты⁸. Здесь

⁷ Подробный анализ упомянутых и иных концепций социализма производится в указанных выше трудах В. Зомбарта и М. И. Туган-Барановского.

⁸ Удивительным, но именно в силу этого чрезвычайно показательным фактом стало то, что эта тенденция проявила себя даже в советских колхозах. Например, в первые послевоенные годы, когда, видимо ввиду послевоенной разрухи, партийно-государственный контроль в области колхозного строительства несколько ослаб, высшим органам государства и партии пришлось констатировать, что «на ненужных и надуманных должностях в колхозах нередко укрываются рвачи и дармоеды, уклоняющиеся от производственной работы, проедающие накопления колхозов и живущие за счет труда тех колхозников, которые работают в поле или ухаживают за скотом». Понадобилось издание

же примерно в то же время претерпели крах попытки знаменитого Роберта Оуэна реализовать концепцию синдикального социализма⁹.

Итак, нет шведского и вообще скандинавского социализма, поскольку рыночная, т. е. конкурентная, экономика скандинавских стран имеет в своей основе плюрализм форм собственности, включая частную. «Китайский социализм», строго говоря, вряд ли отвечает строгим критериям социалистической концепции: насколько можно судить, по своему устройству он очень близок к тому образцу, который был принят в Советской России под наименованием «государственного капитализма» при переходе в начале 1920-х годов к новой экономической политике. Суть этой политики заключалась в допущении в определенных, хотя и очень широких, пределах хозяйства рыночного типа при сохранении руководящих, «командных» высот в экономике и безусловном политическом господстве коммунистической партии и государства «диктатуры пролетариата». При этом, однако, следует иметь в виду, что нэп по своей природе не создает завершенной социально-экономической модели, это лишь переходная ступень к каким-то иным альтернативным друг другу моделям. Временный и переходный характер нэпа прекрасно осознавался политическим руководством СССР: да, Ленин утверждал, что нэп — это всерьез и надолго. Но Ленин никогда не заявлял, что нэп — это навсегда, — так отвечал И. В. Сталин своим оппонентам, критикующим его за свертывание нэпа и отход тем самым от ленинских заветов (Сталин 1949а, 171, 186–187). В конце 1920-х годов выбор был совершен и страна пошла по пути так называемого сталинского социализма. Китай за последние десятилетия, вне всякого сомнения, добился впечатляющих экономических успехов, однако незавершенность практикуемой им социально-экономической и политической модели уже достаточно ярко проявляет себя: об этом можно судить хотя бы по росту численности и объемов капиталов «новых китайцев», а следовательно, о растущей социальной дифференциации общества. Остается надеяться, что китайское руководство осознаёт этот факт и выработало (или разрабатывает) модели дальнейшего развития общества.

Что касается вариантов синдикального, коммунального, кооперативного, а тем более анархического социализма, то эти теоретические конструкции являются нежизнеспособными и тупиковыми уже сами по себе; некоторые из них доказали нежизнеспособность на практике.

Помимо внутренних противоречий, указанные концепции содержат один внешний, общий для всех, порок: они не обеспечивают достижения главной системной цели социализма — управления социальными процессами на рациональных основаниях. Для этого требуется единый и единственный в национальном (в идеале — в мировом) масштабе центр принятия управленческих решений, планирования и осуществления оперативного управления процессами производства и распределения продуктов. Понятно, что таким центром выступает публичная власть — *государство*. Поэтому следует признать безусловно правым Л. Мизеса, этого бескомпромиссного и последовательного критика социалистической идеи:

специального акта, в котором намечались меры по решительному устранению сложившегося положения (Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19.09.1946 «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 336–341).

⁹ Об этом см. подробнее: (Хохлов 2013, § 52).

термин «государственный социализм» есть плеоназм (т.е. вид тавтологии). Мизес констатирует, что социализм — это социальная система, основанная на общественной собственности на средства производства. В социалистическом обществе все материальные ресурсы принадлежат государству, которое ими и распоряжается. Отсюда следует, что государство является единственным работодателем и что никто не может потреблять больше, чем выделило государство на его долю. Термин «государственный социализм» — плеоназм; социализм всегда по необходимости является государственным (Мизес 2006, 73)¹⁰.

Примечательно, что все идеологи социализма, начиная от Луи Блана и Фердинанда Лассаля и заканчивая М. И. Туган-Барановским, исключая, пожалуй, лишь анархических социалистов, прежде всего М. А. Бакунина¹¹, признают если не исключительную, то исключительно важную роль государства в социалистической модели общества. Например, М. И. Туган-Барановский после долгих (и не всегда бесспорных) рассуждений совершенно определенно констатирует: «Социалистическое государство станет наиболее важной хозяйственной организацией будущего. Именно оно должно в большинстве случаев заменить собой современного капиталистического предпринимателя. Государство должно занять место торговца нашего времени» (Туган-Барановский 1996, 361 и сл.).

Возвращаясь к Л. Мизесу, как мне представляется, следует дополнить его в целом безусловно верную мысль одной чрезвычайно важной деталью.

Для того чтобы обеспечить рациональное управление социалистическим хозяйством, необходимо сосредоточить все факторы производства в одних руках, в едином центре принятия решений. Как мы выяснили, таким единым и единственным центром может выступать только социалистическое государство. Поэтому совершенно не случайно то, что главным пунктом программы, принятой VI съездом партии большевиков, состоявшимся накануне Октябрьской революции, было требование *национализации* всей промышленности и банков. Эта программа была в целом выполнена в течение 1918–1920 гг. В результате государство и стало тем самым единственным работодателем, о котором говорит Л. Мизес. Строго говоря, его указанное положение нельзя считать каким-то открытием, поскольку именно это констатировал и вождь большевиков В. И. Ленин в программной книге «Государство и революция», написанной им также летом 1917 г.: при социализме все общество должно стать единой конторой и единой фабрикой с равенством труда и равенством платы, а все члены общества должны сделаться служащими и рабочими этого единого всенародного государственного синдиката (Ленин 1974, 101).

Этого одного, однако, недостаточно. Дело в том, что решение проблемы не может быть ограничено только национализацией вещественных факторов производства. Нет необходимости говорить о том, что важнейшим фактором производства является *труд*. Поэтому наряду с национализацией вещественных факторов производства национализации объективно подлежит и человеческая *способность*

¹⁰ Признание *критики* Л. Мизеса, адресуемой теоретикам социализма, справедливой отнюдь не означает, что он беспорочен в *позитивной* части своих построений. Однако это выходит за пределы предмета данной статьи.

¹¹ М. А. Бакунин, критикуя социалистическую концепцию К. Маркса, формулирует ряд совершенно верных суждений. Однако это не является свидетельством его правоты (как и Л. Мизеса) в конечных выводах.

к труду. Только при таком условии возможно возникновение целостной и внутренне непротиворечивой социалистической хозяйственной системы. Способность к труду отделяется, таким образом, от своего носителя и поступает в ведение и распоряжение социалистического государства. Следовательно, ситуация не ограничивается тем, что у работников остается единственный работодатель — государство, которое, опираясь на обобществленные средства производства, определяет меру потребления каждого, как это правильно отмечает Л. Мизес; каждый трудоспособный человек становится элементом (звенем) социалистической системы хозяйства, и государство берет на себя функцию распоряжения способностью к труду каждого работника, осуществляя планомерное перераспределение работников по отраслям хозяйства и территории страны сообразно общественным интересам и потребностям, точно так же, как оно поступает в отношении государственных вещественных факторов производства.

Думается, что против такой трактовки не стали бы возражать вожди Октябрьской революции, включая В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого; впрочем, она подтверждается и практикой первых лет советской власти, когда, с одной стороны, первый КЗоТ РСФСР (1918 г.) исключил договорное начало из системы регулирования трудовых отношений, а с другой — были введены суровая уголовная ответственность за «трудовое дезертирство» (т. е. за «самовольный» уход с работы) и практика государственного перераспределения трудовых ресурсов.

В дальнейшем, после кратковременного (менее десяти лет) перерыва на новую экономическую политику, партийно-государственное руководство страны вернулось к построению социализма, и по мере формирования системы закономерно и последовательно происходил и процесс национализации рабочей силы в стране. Как мне представляется, процесс становления социалистической хозяйственной системы завершился к концу 1930-х — в 1940-е годы, когда под страхом уголовной ответственности был запрещен «самовольный уход» с работы (т. е. увольнение по собственному желанию), введена уголовная ответственность за прогул и нормативно закреплена возможность публичной власти осуществлять мобилизацию трудовых ресурсов и осуществлять «переброску» ее по территории и по отраслям хозяйства.

Таким образом, была создана завершенная во всех своих элементах социалистическая система хозяйства, хозяйственный механизм, который, благодаря сосредоточению в руках государства всех без исключения факторов производства, позволял ему по своему усмотрению (т. е. исключительно на рациональных началах) осуществлять управление экономикой. Цель была достигнута, а это позволяло приступить к достижению более высокой цели — построению будущего коммунистического общества.

Формулируя этот вывод, я не даю никаких оценочных суждений — ни относительно эффективности возникшей системы, ни относительно ее этической ценности, ни, наконец, относительно ее коммунистических перспектив. Здесь описана исключительно логика развития этой системы применительно к изначально заданной ею парадигме.

Целостность этой системы, как представляется, начала деформироваться уже с середины 1950-х годов, когда рядом нормативных актов были либо вовсе ликвидированы, либо существенно ограничены элементы принудительности в области

применения общественного труда, прежде всего отменена уголовная ответственность за совершение чисто дисциплинарных правонарушений (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.04.1956 «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины». *Ведомости Верховного Совета СССР* 10: 203). Проведенные меры, несомненно, весьма гуманны (разумеется, на фоне прошлого), однако их реализация нарушила целостность системы, ибо из нее был выведен важнейший структурный элемент — труд. Поэтому совершенно не случайно то, что практически немедленно потребовалось проведение мер, направленных на восстановление этой целостности: была принята целая серия нормативных актов, предусматривавших разные виды ответственности за извлечение нетрудовых доходов и вообще за ведение паразитического образа жизни. Понятно, что это был паллиатив, полумера, неспособная обеспечить решение возникшей проблемы. В условиях «сталинского», точнее говоря *истинного*, социализма такой проблемы не существовало вовсе, поскольку рабочая сила практически целиком находилась в ведении публичной власти.

В заключение сформулируем тезис самого общего характера. К. Маркс был абсолютно прав, когда утверждал, что экономический строй общества определяет все (или почти все) другие стороны его жизнедеятельности. Однако он в такой же мере неправ, когда пытается абсолютизировать этот свой вывод, распространяя на всю историю человечества. Социалистическое общество, неизбежность перехода к которому «научно» предсказывал социалист и коммунист Маркс, является блестящим опровержением этой его концепции, ибо, как мы видели, функционирующее на началах разума социалистическое государство с неизбежностью сосредоточивает в своих руках и право, и экономику, которые оно использует в качестве инструментов для осуществления своей рациональной деятельности в достижении, разумеется, эвдемонических целей, т. е. водворения всеобщего счастья людей. Этот тезис прекрасно иллюстрирует Н. И. Бухарин (достоинствам которого как марксистского теоретика, как известно, весьма лестную оценку давал В. И. Ленин). «Каковы характерные признаки диктатуры пролетариата?» — задается вопросом Н. И. Бухарин. И дает ответ: «Характерной чертой диктатуры пролетариата является то, что государственная организация непосредственно связана с базисом общества, с производством, причем экономические организации являются составной частью государственного аппарата. Таким образом “вторичное” (надстройка) регулирует “первичное” (базис) — и ничего ужасного в этом нет» (Бухарин 1989, 208). Странно, что Бухарин не видит во всем этом «ничего ужасного». Если «экономические организации являются составной частью государственного аппарата», если государство регулирует экономические (базисные) отношения, то, спрашивается, что в этой связке является «базисным», а что «надстроечным»? В такой трактовке «базис» — *исключительно* пассивный объект управленческой активности «надстройки», поэтому от Марксовой диалектики «базиса» и «надстройки» ничего не остается. Спрашивается, ужасно это или не ужасно? Судить, конечно, приверженцам марксизма: то, что марксисты делают с марксизмом — их личное дело, боюсь только, что Маркс глядел далеко вперед, когда на склоне лет заявил однажды, что он, Маркс, — не марксист.

2.3. Социализм: политические следствия. Важнейшим свойством социалистического общества выступает принципиальный *монизм* в организации публичной власти. Этот монизм имеет несколько взаимосвязанных аспектов. Важнейший из них — стремление социалистической (коммунистической) партии к овладению и удержанию государственной власти. Тем самым, соответственно, обеспечивается полное господство одной этой партии в политической системе страны. Фридрих Ницше, который, судя по процитированному выше О. Шпенглеру, как раз и входил в число тех девяти или десяти людей, которые понимали социализм «во всех его крайних исторических последствиях», причем уже в то время, когда он существовал лишь в качестве концепции, писал: «Социализм есть фантастический младший брат почти отжившего деспотизма, которому он хочет наследовать; его стремления, следовательно, в глубочайшем смысле слова реакционны. Ибо он жаждет такой полноты государственной власти, какую обладал только самый крайний деспотизм, и он даже превосходит все прошлое тем, что стремится к формальному уничтожению личности; последняя представляется ему неправомерной роскошью природы, и он хочет реформировать ее, превратив ее в целесообразный *орган коллектива*. В силу своего родства он всегда появляется поблизости всякой чрезмерной развитой власти, как старый типичный социалист Платон — при дворе сицилийского тирана; он приветствует могущественное государство эпохи цезарей (а при случае и содействует ему), потому что, как сказано, он хочет стать его наследником. Но даже это наследство было бы недостаточно для его целей, он нуждается в такой верноподданнической покорности всех граждан абсолютному государству, какая еще не существовала доселе, и так как он уже не может рассчитывать на старое религиозное благоговение перед государством, а, напротив, произвольно должен содействовать его устранению — потому что он стремится к устранению всех существующих *государств*, — то ему остается надеяться лишь на краткое и случайное существование с помощью самого крайнего терроризма. Поэтому он втайне подготавливается к террористической власти и вбивает в голову полуобразованных масс, как гвоздь, слово “справедливость”, чтобы совершенно лишить их разума (после того, как этот разум уже сильно пострадал от полуобразованности) и внушить им добрую совесть для той злой игры, которую они должны разыграть. Социализм может послужить к тому, чтобы особенно грубо и внушительно убедить в опасности всякого накопления государственной власти и в этом смысле внушить вообще недоверие к государству. Когда его хриплый голос присоединяется к боевому кличу “*как можно больше государства*”, то сначала этот клич становится шумнее, чем когда-либо; но скоро с тем большей силой доносится и противоположный клич: “*как можно меньше государства!*”» (Ницше 1998, 387)¹².

¹² В этом высказывании Ф. Ницше стоит обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, социализм здесь рассматривается применительно к *средствам* своей реализации, и это крайне важно, поскольку речь идет не о *намерениях* и даже не о *целях* (они могут быть сколько угодно благочестивы и гуманны), а именно о *средствах*. Средства, если они адекватны, вытекают из существа социального явления и тем самым определяют его, и тем самым нередко опровергают и намерения, и цели (которыми, как нередко оказывается, была вымощена дорога в ад). Во-вторых, Ницше, пожалуй, не так уж и прав, когда говорит о том, что социализм — *младший брат* деспотизма. Впрочем, он при этом употребляет термин «фантастический», поэтому, скорее всего, имеет в виду не «реальный», практический социализм, а современную ему *теорию* социализма, которая является «фантастической» именно потому, что это теория, не воплощенная на практике. На самом деле

Стремление взять и удержать в своих руках всю полноту государственной власти является для социалистической партии важнейшей и совершенно самостоятельной целью, поскольку это исключительное условие существования общества, организованного на социалистических началах. Обратим в связи с этим внимание лишь на два момента.

С одной стороны, социалистическая (коммунистическая) партия должна обладать всей полнотой политической власти для того, чтобы поддерживать принципиальный монизм хозяйства — ибо, в свою очередь, это выступает необходимым условием удержания политической власти. Логика здесь вполне очевидна: плюрализм форм собственности и хозяйственной деятельности с неизбежностью порождает социальную дифференциацию в обществе, т. е. возникновение различных социальных групп, обладающих каждая своими специфическими интересами; с течением времени эти социальные группы потребуют политического представительства, а это означает возникновение и политического плюрализма. Указанную опасность (которая исподволь генерировалась новой экономической политикой) прекрасно понимало руководство коммунистической партии в СССР уже во второй половине 1920-х годов. Вот что говорил по этому поводу И. В. Сталин, полемизируя со сторонниками Л. Д. Троцкого по вопросу о возможности построения социализма в одной стране: «[Не может быть сомнения в том,] что ежели мы не можем строить социализм, а революция в других странах затягивается, между тем как капитал у нас растет так же, как растет “сращивание” нашего народного хозяйства с мировым капиталистическим хозяйством, — то, с точки зрения оппозиции, остаются только два выхода:

а) либо остаться у власти и проводить политику буржуазной демократии, участвовать в буржуазном правительстве...

б) либо отойти от власти, чтобы переродиться, и наряду с официальной партией образовать новую партию...

Вопрос стоит так: если мы не можем строить социалистическое хозяйство, то диктатура пролетариата, идя на все более и более серьезные уступки буржуазии, должна будет переродиться и поплестись в хвосте за буржуазной демократией.

Могут ли коммунисты согласиться вести буржуазную политику при перерождающейся диктатуре пролетариата?

Нет, не могут и не должны.

Отсюда выход: отойти от власти и создать новую партию, очистив дорогу реставрирующемуся капитализму» (Сталин 1948, 143–144). Понятно, что при таких условиях ни о каком «отходе от власти» и речи быть не могло. Следовательно, удержание власти выходит на первое место, становясь более важной целью, чем даже повышение эффективности общественного производства¹³.

социализм и деспотизм могут вполне померяться возрастом. В-третьих, неправ Ницше (которого, кажется, нельзя причислить к сторонникам либеральной идеологии), возглашая «как можно меньше государства». Для него, перефразируя его же самого, это «либеральное, слишком либеральное». Впрочем, возможно, Ницше как раз и полагает, что зло социализма заключается и в том, что оно способно порождать свою противоположность — зло либерализма. Но это уводит нас в сторону критики теории либерализма.

¹³ Несколько позднее, выступая на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г., И. В. Сталин вполне определенно заявил: «Отличие советского общества от всякого другого общества в том именно и состоит, что оно заинтересовано не во всяком росте производительности труда, а в таком

С другой стороны, формирование экономики как единого народнохозяйственного комплекса диктует необходимость формирования и соответствующей единой политической структуры, призванной обеспечивать рациональное и целесообразное управление этим комплексом, а в конечном счете и всеми социальными процессами, ибо понятно, что наличие множества автономных центров принятия управленческих решений не позволило бы решить эту задачу. Поэтому, во-первых, все социальные институты должны войти в эту единую управленческую вертикаль¹⁴, во-вторых, и сам государственный аппарат должен быть организован как строго централизованная структура, где разделение на законодательную, исполнительную и судебную власть лишь функционально. На это прямо указывает В. И. Ленин, согласно которому социалистическое государство должно быть работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы (Ленин 1974, 45–50).

При этом «исполнительная власть», т. е. власть, осуществляющая государственное управление, объективно становится главенствующей, поскольку именно она и осуществляет то самое рациональное управление социальными процессами, к которому стремится идеология социализма. Следовательно, при определении соотношения категорий «законность» и «целесообразность» вторая обладает решительным приоритетом, законы и законность служат лишь средством обеспечения целесообразного, т. е. рационального, управления. Этот момент прекрасно иллюстрируется опытом советского социализма, когда, например, при альтернативе выполнения государственного планового задания и соблюдения закона об ограничении сверхурочных работ любой советский руководитель не задумываясь отдавал предпочтение плану, не останавливаясь перед нарушением закона, ибо план, т. е. по сути административное предписание, есть *высший* закон.

Совершенно естественным (в рамках складывающейся социально-экономической системы) являлся и процесс партийного строительства. Начало ему положил переход к монопартийности (когда были уничтожены вначале оппозиционные «буржуазные» партии, затем партии социалистического толка). После этого, как известно, X съезд Коммунистической партии запретил фракции внутри партии, после чего ликвидировали «левую» партийную оппозицию (во главе с Л. Д. Троцким), далее «правый уклон» (Н. И. Бухарина и др.) и, как завершение, сформировался так называемый культ личности И. В. Сталина. Примечательно, что когда Н. С. Хрущев подверг на XX съезде КПСС критике «культ личности», он тем самым ликвидировал «культ личности Сталина», но отнюдь не явление само по себе, поскольку одновременно началось активное формирование нового «культа личности» — самого Н. С. Хрущева. То обстоятельство, что это явление было характерно практически

росте, который обеспечивает перевес социалистических форм хозяйства над другими формами, и прежде всего над капиталистическими формами хозяйства, который обеспечивает таким образом преодоление и вытеснение капиталистических форм хозяйства» (Сталин 1949b, 80).

¹⁴ Типичный пример — советские профессиональные союзы. Л. Д. Троцкому совершенно неосновательно приписывают честь (или вменяют в вину) идею огосударствления профсоюзов. Задача превращения профсоюзов в элемент государственного аппарата ставилась в первые годы советской власти в ряде партийных директив, а в начале 1930-х годов полное огосударствление профсоюзов произошло, когда был ликвидирован государственный орган по управлению трудом (Народный комиссариат труда СССР) и его функции переданы профсоюзам в лице ВЦСПС. И это стало *объективным* требованием складывавшейся социалистической модели.

для всех стран, где установилась социалистическая идеология, вне зависимости от их расположения — от Чехословакии и Болгарии в Европе до Китая, Кореи, Камбодже в Азии, — свидетельство вполне определенной закономерности.

2.4. Социализм и свобода личности. Либеральные сторонники социалистической идеи немало говорят в пользу того, что социализм несет людям истинную свободу; например, как мы видели, М. И. Туган-Барановский искренне полагал, что социализм как «государство разума» одновременно (и тем самым) формируется как «царство свободы». Однако уже рассмотренное выше говорит о том, что эти две категории отнюдь не находятся в состоянии взаимной корреляции, скорее напротив, «государство разума» с необходимостью исключает свободу личности или, во всяком случае, придает этой свободе какое-то особое, специфическое значение.

Прежде всего отмечу, что категорию свободы личности можно рассматривать только применительно к массе, социуму. Этот факт очень точно отметил В. Маяковский:

Единица (в смысле отдельный человек. — Е. Х.) — вздор,
Единица — ноль.

Иными словами, человеческий индивид отдельно от массы, от определенной человеческой общности представляет собой *ничто*.

Но что представляет собой человеческая личность *внутри* социальной общности? Ответ на этот вопрос, строго говоря, уже был дан выше: каждый человек *встроен* в общественный организм, где является особым «винтиком», выполняющим свою особую функцию в рамках единого слаженно действующего механизма. Можно вспомнить, что либеральные публицисты 1990-х годов излили немало желчи по поводу известного высказывания И. В. Сталина, отождествившего советского человека с винтиком. На самом деле И. В. Сталин хотел возвысить, а отнюдь не унижить советского человека; он хотел подчеркнуть важную роль каждого члена общества, который на своем месте выполняет предписанный ему «свой маневр» в ходе функционирования единой грандиозной машины, именуемой советским обществом. Таким образом, социалистическое общество не нуждается в идее свободы личности, как и в вытекающей из нее идее «прав человека». Если точнее, свобода личности в условиях социализма *функциональна*: так маятнику часов для того, чтобы выполнять свою функцию, требуется определенная степень свободы — не более и не менее того.

С учетом сказанного можно трактовать известную марксистскую формулу, согласно которой свобода — это *необходимость*. Применительно к социальной сфере это необходимость совершения определенных действий, которые необходимы, или, во всяком случае, которые полагает таковыми публичная власть в целях поддержания существования или обеспечения развития социального целого. Определение свободы нуждается, однако, в еще одном важном компоненте, именно *психологическом*: такая необходимость должна быть *осознана* субъектами социально необходимых действий. А это уже сфера *идеологии*, которая составляет предмет заботы публичной власти. Иными словами, осознание необходимости может и должно быть *воспитано* в людях социалистического общества. Нужно признать, что на этом пути в обществе реального советского социализма были достигнуты

немалые успехи. Вспомним о многочисленных трудовых подвигах, свершенных советскими, по преимуществу молодыми, людьми в тайге, в казахстанских степях, в пустынях на юге и в арктической зоне страны, на многочисленных грандиозных «стройках социализма». Подчеркну: в этой констатации не содержится ни капли иронии, и слова «трудовой подвиг» отнюдь не нуждаются в кавычках: советские люди совершали трудовые, не говоря уже о воинских, подвиги, жертвуя при этом своим здоровьем, часто — жизнью, практически всегда — личным благополучием.

Нельзя не обратить внимание и на другую сторону проблемы, которая относится уже не к людям, а к концепции и практике социализма. Обратимся к уже фактически забытой ныне дискуссии столетней давности в русской социологической литературе.

Выдающийся русский философ С. Н. Булгаков в ряде работ сформулировал своего рода «концепцию навоза». Суть этой концепции, восходившей, как кажется, к Ф. М. Достоевскому, заключается в том, что позитивистская (а именно социалистическая) идеология фактически трактует каждое поколение живущих ныне людей как навоз, т. е. удобрение для будущих поколений. Приведу выдержку из одного произведения С. Н. Булгакова, где трактуется эта проблема.

Идея почитания умерших, непосредственно связанная с идеей бессмертия души и грядущего воскресения, не вмещается в позитивном сознании. Они (люди прошлых поколений. — *Е. Х.*) были, а теперь нет, ничего не осталось от их страданий, сердечных мук, борений и отчаяний. Эти люди унавозили собой будущую гармонию, поработали для нас, и пусть в мире гниют их кости... современное человечество рассматривается как цель, а все предыдущие поколения суть только средства для него.

Но ведь и будущие поколения представляют собой тоже туманность, в которой глаз не различает ничего определенного. Можно предположить, что и они будут с таким же равнодушным презрением относиться к прошлому человечеству, как и мы, и нас будут рассматривать в качестве исторического навоза так же точно, как и мы рассматриваем своих предков. Оно «перепрыгнет» благополучно (если верить современным пророкам) из царства необходимости в царство свободы и будет, оглядываясь назад, вспоминать о нем с таким же презрительным ужасом, с каким мы вспоминаем времена инквизиции. Неужели же нужны были многовековые страдания всего человечества, чтобы доставить благополучие неведомым избранникам на короткое время их жизни? (Булгаков 1997, 46–47)

Здесь нет необходимости подробно останавливаться на сути этой констатации. Ограничусь поэтому цитированием одной забытой советской песни, где она находит полное и трагическое подтверждение:

В ответ поднимаются сжатые руки:
Готовы на подвиг, готовы на муки,
Готовы на все ради завтрашних дней
Готовы на все ради завтрашних дней!

Беда заключается только в том, что это «завтра» никак не наступает. Почему-то всегда господствует «сегодня», требующее все новых жертв и новых подвигов во имя «завтра».

В контексте данной статьи, однако, более интересна реакция сторонников социалистической идеи на эту «теорию навоза». Великолепная иллюстрация этой реакции — рецензия на работу А. В. Луначарского (Луначарский 2006), который, напомним, был не только сторонником позитивистской (социалистической) идеи, но и ее практиком (в качестве первого наркома просвещения РСФСР).

Луначарский очень хамски и развязно, вполне в «марксистском» духе, критикует С. Н. Булгакова. В частности, он категорически не согласен с «концепцией навоза». Ему, напротив, «радостно закладывать фундамент великого здания, представляя детям и внукам строить этаж за этажом». И это «значит жить и творить, а не быть навозом» (Луначарский 2006, 894). Следующие далее пафосные слова о бойцах и шеренгах, вообще-то весьма характерные, опушу. Добавлю только, что эти «строители» говорят в лице Луначарского: «...мы страданий не боимся, мы хотим, хотя бы ценой страданий, добиваться роста сил, развития жизни, которое, на наш взгляд, и есть высшее удовольствие» (Луначарский 2006, 893).

Видимо А. В. Луначарский сам толком не отдает отчета в смысле того, что сказал. А между тем в этих словах кроется и «навоз», и вообще вся социалистическая перспектива нашей страны, ибо речь идет о *переустройстве общества*. Луначарский хочет со своими единомышленниками и со своими детьми и внуками «радостно» строить социалистическое будущее. И пусть строит себе — но на своем собственном огороде. Но что делать тем, кто — по разным соображениям — социализм строить не собирается (а таких за пределами огорода Луначарского большинство или, во всяком случае, чрезвычайно много)? И это большинство ни «радостно» строить не собирается, ни грустно — вообще никак? Отставить всех нас в покое не получится — социализма с участием лишь каждого отдельно взятого Луначарского не может быть, может быть только социалистическое общество.

Вывод один: все мы, «не хотящие», будем строить социализм насильно, причем с обязательной радостной улыбкой на лице. Ибо ведь строить социализм «этаж за этажом» — это радость и счастье. А коли мы не испытываем ни радости, ни счастья, то мы ошибаемся. И нас *заставят* и понять нашу ошибку, и испытать требуемые чувства. Таким образом, следующим практическим шагом по реализации этой мысли Луначарского является лозунг: «Мы насильно сделаем людей счастливыми»¹⁵. Напомним, что лозунг этот висел на воротах Соловецкого лагеря особого назначения. Понятно, что при совместном радостном строительстве нового здания всегда есть необходимость в прорабах, которые объясняли бы назначение каждого акта строительства, причины для радости строителей, а также выявляли бы бракоделов и вообще всех недостаточно радующихся. Нечто подобное было — у французских радикалов в эпоху их большой революции¹⁶ и у русских «пламенных большевиков».

¹⁵ Что-то вроде: «Железной рукой загоним человечество в счастье». И это — конкретное воплощение «радостного» Луначарского.

¹⁶ 17 сентября 1793 г. принимается Декрет о подозрительных, в силу которого немедленно по его опубликованию «все подозрительные лица, находящиеся на территории Республики и пользующиеся *еще* (курсив мой. — Е. Х.) свободой, должны быть арестованы». При этом подозрительными было предписано считать, в частности (перечень включает в себя шесть пунктов), тех, кто «своим поведением или связями, речами или сочинениями проявили себя как сторонники тирании, федерализма или враги свободы, кто не могут удостоверить источники своего существования и факт исполнения своих гражданских обязанностей, которым отказано в выдаче свидетельства о благонадежности» (цит. по: Хохлов 2013, § 48). Через месяц, 10 октября 1793 г., издается постановление,

И что их роднило — так это единство цели (сделать всех людей счастливыми, хотя бы и насильно) и единство средств — за плечами тех и других маячила гильотина, предназначенная для неисправимых пессимистов.

3. Выводы

Итак, цель социалистов — устройство человеческого общежития на началах справедливости и разума, способ устройства — *управление* всеми социальными процессами на *рациональных началах*. Следствия этого целеполагания таковы:

- для того чтобы целесообразно и разумно управлять *всем* обществом, требуется единый (и единственный) центр воли и разума; если таких центров несколько, а тем более много, целей достигнуто быть не может: вместо огромного множества автономно хозяйствующих субъектов, действующих в условиях рыночной стихии, появится множество таких же субъектов, только более крупных; еще хуже — если появится несколько таких субъектов; в любом случае это либо монополизм (что плохо и по Марксу, и по Ленину), либо анархо-синдикализм — что также плохо, и социализмом не является; таким единым и единственным центром выступает *государство*, согласованно управляемое сословием или классом; поэтому необходимо получить в свои руки или создать государство;
- для того чтобы иметь возможность управлять, необходимо иметь то, чем можно было бы управлять; поэтому необходимо сформировать *объект* управления; первым делом нужно собрать и сосредоточить в одних руках все экономические *ресурсы*, иными словами, необходима *национализация* всех этих ресурсов, а точнее говоря, их *этатизация*; в принципе, такое возможно осуществить разными способами, но главная задача — обеспечить эффективную возможность провести единую волю через все хозяйство, как по вертикали, так и по горизонтали; объект национализации — и человеческая *способность к труду* (как важнейший экономический ресурс); таким образом, человек отделяется от своей способности к труду; юридически это выражается во введении принципа всеобщности труда как юридической

разъясняющее, кого следует считать подозрительным. Ознакомление с этим актом способно было бы вызвать только чувство неловкости за его составителей, если бы не было известно о том, к каким последствиям привело его применение: подозрительными, по этому акту, являются «те, кто во время собраний народа охлаждают его порыв возмутительными речами, шумными возгласами и угрозами; те, кто, будучи более осторожными, таинственно говорят о несчастьях республики, жалеют народ и всегда готовы с мнимо печальным видом распространять плохие известия; те, кто сожалеет об участи жадных фермеров и торговцев, коих закон вынужден преследовать... те, кто с равнодушным лицом приняли издание республиканской конституции... те, кто, ничего не сделав против свободы, равным образом ничего и не сделали в ее пользу; те, кто подписали контрреволюционные петиции или посещали антипатриотические общества и клубы» (цит. по: Хохлов 2013, § 48). Логическим завершением этого процесса стал акт, декретирующий преследование «врагов народа». Декрет от 10 июня 1794 г., провозглашая, что врагами народа являются все те, «кто силой или хитростью стремится уничтожить общественную свободу», предусматривал обширный и в то же время весьма расплывчатый по содержанию перечень деяний, совершение которых признавалось основанием для признания лица врагом народа, и устанавливал абсолютно-определенную санкцию за их совершение — смертную казнь (цит. по: Хохлов 2013, § 48). Идея *свободы* в своем логическом завершении превратилась в дичайшую, выходящую за границы разума, *диктатуру* (см. подробнее: Хохлов 2013, § 48).

обязанности, обеспеченной принудительной силой государства (пример — закон фараона Амазиса или постановление СНК об ответственности за трудовое дезертирство; временное расстояние между ними — несколько тысяч лет);

- управление (тем более рациональное, научное, управление) требует наличия *программы*; таким образом, на место стихии рынка как взаимодействия автономных и свободных субъектов приходит *планирование*, причем по необходимости тотальное;
- необходимо создать *систему управления*, иерархически выдержанный *аппарат* управления, в котором каждое звено должно четко знать объем и содержание своей компетенции; в таких условиях образ Сталина, отождествляющий советского человека с «винтиком», отнюдь не оскорбителен — он просто имел в виду, что каждый человек в обществе должен находиться на своем месте и выполнять свою задачу в качестве элемента единой, огромной и мощной машины;
- требуется ввести тотальный *учет, контроль и государственную (публично-правовую) ответственность*.

Следствия осуществления этих мер:

- тоталитарный характер *политической власти* (точнее говоря, публичной власти в целом, ибо в этом обществе отсутствует не только разделение властей, но и разделение политического и хозяйственного управления, так как государство — не только единственный субъект политики, но и единственный субъект хозяйства);
- *сущностная* субъективность социалистического механизма жизнедеятельности общества; он целиком и полностью *создается* волею и разумом человека, он *функционирует* под контролем этой воли и этого разума (по известной триаде «решение — исполнение — контроль исполнения»)¹⁷; именно поэтому исторический материализм на социализм не распространяется, социалистическое общество — это такое общество, хозяйство которого — насколько это следует из высказываний классиков марксизма-ленинизма — целиком и полностью управляется волей человека. Ведь не считать же, в самом деле, экономическим законом сформулированный И. В. Сталиным «закон» планомерного и пропорционального развития! Понятно, что это не закон, а благое пожелание, а на деле — как получится. Волюнтаризм, употребляя известное выражение, есть неперемненное качество управления в условиях реального социализма.

¹⁷ Уточню, что если относительно создания такого механизма и можно употреблять выражение «целиком и полностью», то относительно его функционирования, т.е. целесообразной деятельности, этого сказать нельзя, ибо в противном случае спорить бы было не о чем: социализм существенно прав в своих устремлениях, и задача заключалась бы только в том, чтобы сформировать такой коллективный разум, который принимал бы безошибочные решения. На самом деле рациональные и волевые действия субъектов управления в силу разных причин (даже если они объективно обоснованы и целесообразно оправданы) блокируются действием множества других факторов как рационально-волевого (субъективного), так и объективного порядка и далеко не всегда достигают (если вообще достигают) того результата, который преследовался.

Как видим, идея устройства человеческого общежития на началах разума с *неизбежностью* приводит к формированию общества, организованного на указанных выше началах. Но означает ли это, что такой вывод дискредитирует, во-первых, эту идею, а во-вторых, те основания, которые ее породили, т.е. высшие, сущностные цели?

Мой ответ на этот вопрос может показаться парадоксальным: он не сводится ни к однозначному «да», ни к однозначному «нет». Положительный или отрицательный ответ определяется множеством самых различных факторов: конкретными условиями жизни данного общества и его сиюминутными целями, объемом и качеством ресурсов, находящихся в его распоряжении, численностью населения и, в самой максимальной степени, — господствующей в обществе идеологией (подчеркну: не официальной, а сидящей в головах людей).

Прежде всего, такая организация хозяйства вполне применима, более того, единственно возможна в экстремальных условиях существования данного общества (война, крупные катаклизмы природного характера и т.п.), т.е. в условиях, когда общество либо решает проблему собственного выживания, либо мобилизуется на решение общенациональных задач, требующих сосредоточения максимума ресурсов, а цена реализации этих задач или не имеет значения, или отходит на второй план.

Далее, для существования социализма нужна автаркия (как *замкнутое* торговое государство у Фихте). Наверное, не случайно наши старшие современники по цивилизации говорили о мировой революции. Дело в том, что социалистическое хозяйство нуждается в *неподвижности*, ему чужда идея прогресса — хотя бы потому, что прогресс запланировать нельзя. Но точно так же нельзя запланировать и другие события, которые произойдут в будущем. Поэтому социалистическое общество *не сможет выжить* в конкурентной борьбе — как не выжили средневековые цеха, жившие под идеей недопущения конкуренции и умершие, как только эта идея пала.

Учитывая субъективистский, «волютаристический» характер рассматриваемой модели, подчеркну, что условиями ее эффективности выступают эффективный подбор и ротация кадров управленцев. Как известно, Платон не рассматривал свое трехчленное деление общества как кастовое: сословие правителей-философов, кстати, лишенных собственности, должно было комплектоваться из числа всех граждан общества на основе тщательного отбора наиболее достойных. Возможно ли это? Вне всякого сомнения, по большей части невозможно (в силу целого комплекса причин, о которых здесь говорить не приходится). Однако и Платон конструировал свое идеальное государство отнюдь не на пустом месте. Вероятно, у него перед глазами стоял образец Спарты, а более всего — Египта, где, как известно, отбором занималось жреческое сословие, хранитель эзотерических знаний, контролировавшее всю политическую и хозяйственную жизнь общества. И это неплохо у него получалось, учитывая солидную историю Египта — три тысячи лет! Византия «продержалась» тысячу, Россия пережила тысячу — однако и Византия, и Россия бóльшую часть своей истории имели политическую и хозяйственную организации, подобные египетской. Впрочем, то же самое можно сказать и обо всех без исключения исторических государствах: бóльшая часть их истории приходится отнюдь не на либеральное рыночное хозяйство.

Существенным моментом является *численность* населения страны. Современные специалисты определяют границы управляемости коллективом, при превышении которых коллектив становится управляемым менее эффективно, а в конце концов и вовсе неуправляемым. Но совершенно не случайно и древние авторы при определении параметров своего «идеального государства» вводили в качестве одного из таких параметров численность населения.

Наконец, весьма немаловажным, а возможно, и определяющим фактором выступает *идеология*, иначе говоря, состояние массового общественного сознания. Этот фактор становится определяющим в самом главном вопросе — о целях. Дело в том, что категория *справедливости*, а тем более социальной справедливости, отнюдь не относится к числу абсолютных, она в чистом виде относительна. Поэтому что справедливо, а что несправедливо, почти целиком определяется общественным сознанием, точнее говоря, господствующими в нем приоритетами (ценностями).

Сознание же может быть либо индивидуалистическим, либо коллективистским. Соответственно этому различным образом выстраивается и система приоритетов: то, что является ценным в сознании коллективистского типа, не обладает ценой в индивидуалистическом сознании, и наоборот. Не вдаваясь в детали, можно констатировать: социалистическая идея в большей мере может рассчитывать на успех и более или менее долгую жизнь в обществе с коллективистским типом сознания, в том обществе, лозунг жизни которого гениально коротко сформулировал поэт: «Единица — вздор, единица — ноль!». Социалистическая идея, можно сказать, выступает элементом сознания этого типа.

Из сказанного вытекают особенности трактовки права и его социальной роли общественным сознанием, т. е. того, что можно назвать правовой традицией: в обществах, выстраивающих (или пытающихся выстраивать) свою жизнь на рациональных основаниях, естественным образом идея целесообразности в каждый данный момент бытия господствует над идеей права, право является лишь одним из инструментов в руках целесообразно действующей публичной власти. Этот факт мы могли констатировать применительно к обществу «реального социализма», которое совсем недавно стало достоянием истории.

Вместе с тем И. Ю. Козлихин (Kozlikhin et al. 2019) цитирует Максимилиана Волошина: «Великий Петр был первый большевик...», и это можно считать гениальным поэтическим прозрением. И в самом деле, Петр был, пожалуй, первый большевик на Руси, т. е. он был *революционный* социалист (если не считать Грозного). Вместе с тем социалистами (не революционерами) были и его предшественники на русском троне, начиная, наверное, со времени формирования национального Русского государства. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с многочисленными *памятками* (наказами), которые давали русские государи своим воеводам, отправляемым на царскую службы в разные уголки страны.

Однако социалистами были не только русские цари, но и не цари, и не только русские. Социалистом был Фридрих Великий, тот самый, который был уверен, что «народу как больному ребенку нужно указывать, что он должен пить и что должен есть», социалистом был и французский первый министр Людовика XIV Ж. Б. Кольбер. И повсеместно при их жизни, а не только в России закон и право находились на службе целесообразности.

Подведем итоги. Напрасно Маркс говорит о научном коммунизме, а тем более напрасно его последователи прославляют марксизм как некое новое слово социальной науки. На самом деле социалистическая идеология и даже практика имеют весьма древнее происхождение. Генетически, сущностно (а не по названию) социализм уходит в глубь веков, скрывая свое начало где-то среди египетских пирамид и песков Древней Иудеи¹⁸. Рядом с идеей и практикой социализма идея свободы личности, равенства в правах, свободной конкуренции и т. п. выглядит младенцем, едва научившимся ходить и говорить¹⁹.

Если принять во внимание все сказанное, то на вопрос о соотношении двух категорий — идеологии социализма и русской правовой традиции — легко дать вполне очевидный ответ. Отнюдь не русское правовое сознание породило советскую социалистическую практику. Идеология социализма имеет универсальный, а не узконациональный характер. Историческая заслуга — или беда — нашей страны заключается в том, что она, обладая огромными природными и человеческими ресурсами (а социализм — это чрезвычайно дорогостоящее дело), обеспечила реализацию социалистической идеи в условиях индустриализма до ее крайних логических пределов.

В современном мире, по крайней мере на сегодняшнем этапе эволюции, всякий *истинный* социализм, т. е. социалистическая практика Египта, социалистические теории Платона или Маркса, — все это является делом прошлого. Двигаясь к новой жизни, нам ни в коем случае нельзя легкомысленно относиться к социалистическому прошлому, памятуя о том, что социализм — это не убогое и нелепое изобретение кабинетного ученого, а идеология и практика многих столетий, вошедшая потому чуть ли не в подсознание народов. Надо помнить о том, что прошлое имеет свойство возвращаться. Часто неожиданно.

Библиография

- Брентано, Луио. 1930. *История развития народного хозяйства Англии. Т. 3. Полутом 1*. Пер. с нем. М.; Л.: Государственное издательство.
- Булгаков, Сергей Н. 1997. «Религия человекобожия у Л. Фейербаха». *Два града: исследования о природе общественных идеалов*, 15–50. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.
- Бухарин, Николай И. 1989. «Программный вопрос на VI конгрессе Коммунистического Интернационала. Доклад 9 августа 1928 г.». *Проблемы теории и практики социализма*, 189–252. М.: Издательство политической литературы.

¹⁸ Кстати, вероятно, нельзя считать делом случая то, что Маркс был не просто евреем, а внуком раввина. Древний иудейский хилиазм, хранителями которого и являются учителя мудрости, мог быть воспринят юным Марксом безотчетно для него самого и, приобретя атеистическую окраску благодаря огранке философией Фейербаха, лечь в основу построений его «научного коммунизма».

¹⁹ Впрочем, ради исторической справедливости следует вспомнить, что финикийцы создали свою капиталистическую цивилизацию, прежде всего обслуживавшую неподвижный социалистический Египет, едва ли позднее середины II тыс. до Р.Х. Позднее довольно развитое капиталистическое хозяйство сформировалось в греческих полисах в классический период греческой истории, в Риме периода поздней республики первых веков империи, наконец, в итальянских городах около XIV в. Общими чертами этого капитализма были его неразвитый, незавершенный характер и относительная краткость существования. Капитализм — слишком нежное растение, нуждающееся для своего существования, а тем более развития в наличии множества социальных факторов.

- Зомбарт, Вернер. 1906. *Социализм и социальное движение*. Пер. с нем. СПб.: Типография И. Люндорф и К°.
- Ленин, Владимир И. 1974. «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». *Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. Т. 33, 1–120. М.: Издательство политической литературы.
- Луначарский, Анатолий В. 2006. «Метаморфоза одного мыслителя». *Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму: статьи и рецензии 1895–1903, 847–897*. М.: Астрель.
- Мальтус, Томас Р. 1895. *Опыт закона о народонаселении*. Пер. с англ. М.: Издательство К. Т. Солдатенкова.
- Маркс, Карл. 1956. «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд. Т. 7, 5–110. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Мизес, Людвиг. 2006. *Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война*. Пер. с англ. Челябинск: Социум.
- Ницше, Фридрих. 1998. «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. 473. Социализм в отношении его средств». *Сочинения: в 2 т. Т. 1*, 181–429. СПб.: Кристалл.
- Отто, Бертольд. 1900. *Право на труд и интересы рабочих: социально-политические очерки*. Пер. с нем. СПб.: б. и.
- Пёльман, Роберт. 1910. *История античного коммунизма и социализма*. СПб.: Изд. Брокгауз — Ефрон.
- Сталин, Иосиф В. 1948. «Заключительное слово на VII расширенном Пленуме ИККИ 13 декабря 1926 г.». *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 9, 62–151. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Сталин, Иосиф В. 1949а. «К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.». *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 12, 141–172. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Сталин, Иосиф В. 1949б. «О правом уклоне в ВКП(б). Речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г.». *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 12, 1–107. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Туган-Барановский, Михаил И. 1996. *К лучшему будущему: сб. социально-философских произведений*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Хайек, Фридрих А. 2006. *Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики*. Пер. с англ. М.: Институт распространения информации по социальным и экономическим наукам (ИРИСЭН).
- Хохлов, Евгений Б. 2013. *История труда и трудовое право. Т. 1*. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета.
- Шпенглер, Освальд. 1998. *Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1*. Пер. с нем. М.: Мысль.
- Шпенглер, Освальд. 2007. *Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие*. Пер. с нем. Екатеринбург: У-Фактория.
- Kozlikhin, Igor Y., Valerii V. Pugachev, Oleg A. Zayachkovskii and Dariusz Szpoper. 2019. “Russian legal tradition”. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 10(4): 815–826. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.413>.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2019 г.,
рекомендована в печать 19 февраля 2020 г.

Контактная информация:

Хохлов Евгений Борисович — д-р юрид. наук, проф.; e.hohlov@spbu.ru

Reflections on socialism and the Russian legal tradition

E. B. Khokhlov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Khokhlov, Eugenyi B. 2020. “Reflections on socialism and the Russian legal tradition”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 481–507. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.215> (In Russian)

The article examines the essence of socialist concepts, formulated mainly during the nineteenth century and the social, economic and political consequences that arose after the attempts to implement one of these concepts, namely Marxist-Leninist philosophy, in Russia. The reason for this analysis lies within the relationship of two categories — the ideology of socialism and the Russian legal tradition. What is the origin and what is the consequence amongst these two categories: did the ideology of socialism give rise to Soviet socio-political practice, especially during the first years of the Soviet regime, or did this practice become a manifestation of Russian legal consciousness that implemented this practice using the socialist slogans and distorting the socialist idea? Namely the latter position was maintained by the numerous critics of Soviet real socialism. The author concludes that the socialist idea is universal in nature: in its practical implementation, it must inevitably lead to the economic, social, political and ideological consequences that had been embodied in the Soviet socialist model. In this sense, the Soviet model is the ultimate example of real socialism, which, however, does not mean at all that it is unique: any other country, intending to build socialism, will be inevitably forced to create something similar in its fundamental features. The concept of socialism, formulated in the nineteenth century, has two main ideological sources: the first one is the reaction to the ideology and practice of liberalism, which become the dominant doctrine at the turn of the eighteenth and nineteenth centuries, and the second one is the belief in the power of the human mind. The article analyzes the changes that will have to occur during the implementation of this, in essence, noble idea.

Keywords: socialism, liberalism, the Soviet socialist model, the state as a subject of economy, the rights and freedoms of the individual, Russian legal tradition.

References

- Brentano, Luio. 1930. *The history of the development of the national economy of England. Vol. 3. The first half of a volume*. Russ. ed. Moscow; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. (In Russian)
- Bukharin, Nikolai I. 1989. “Programmatic issue at the VI Congress of the Communist International. Report August 9, 1928”. *Problems of the theory and practice of socialism*, 189–252. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
- Bulgakov, Sergey N. 1997. “The Religion of God of God at L. Feuerbach”. *Two cities: studies on the nature of social ideals*, 15–50. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo institute Publ. (In Russian)
- Hayek, Friedrich A. 2006. *Law, Legislation and Liberty: a new statement of the liberal principles of justice and political economy*. Russ. ed. Moscow, Institut rasprostraneniia informatsii po sotsial'nym i ekonomicheskim naukam (IRISEN) Publ. (In Russian)
- Khokhlov, Eugene B. 2013. *The history of labor and labor law. Vol. 1*. St. Petersburg, Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. (In Russian)
- Kozlikhin, Igor Y., Valerii V. Pugachev, Oleg A. Zayachkovskii and Dariusz Szpoper. 2019. “Russian legal tradition”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* 10(4): 815–826. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.413>.

- Lenin, Vladimir I. 1974. "State and revolution. The doctrine of Marxism on the state shock and the tasks of the proletariat in the revolution". *Lenin V.I. The Complete Works, Vol. 33*, 1–120. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
- Lunacharsky, Anatoly V. 2006. "The Metamorphosis of a Thinker". *Bulgakov S. N. From Marxism to idealism: articles and reviews 1895–1903*, 847–897. Moscow, Astrel' Publ. (In Russian)
- Malthus, Thomas R. 1895. *An Essay on the Principle of Population*. Russ. ed. Moscow, K. T. Soldatenkov Publ. (In Russian)
- Marx, Karl. 1956. "The class struggle in France from 1848 to 1850". *Marx K., Engels F. Compositions*. 2nd ed. Vol. 7, 5–110. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
- Mises, Ludwig. 2006. *Omnipotent government: total state and total war*. Russ. ed. Chelyabinsk, Sotsium Publ. (In Russian)
- Nietzsche, Friedrich. 1998. "Human, all-too-Human. A book for free spirits. 473. Socialism in relation to its means". Nietzsche F. *Writings: in 2 vols. Vol. 1*, 181–429. St. Petersburg, Kristall Publ. (In Russian)
- Otto, Berthold. 1900. *The right to work and the interests of workers: socio-political essays*. Russ. ed. St. Petersburg, s. p. (In Russian)
- Pöلمان, Robert. 1910. *The History of Ancient Communism and Socialism*. St. Petersburg, Brokgauz — Efron Publ. (In Russian)
- Sombart, Werner. 1906. *Socialism and the social movement*. Russ. ed. St. Petersburg, Tipografiia I. Liundorf i Ko Publ. (In Russian)
- Spengler, Oswald. 1998. *Sunset of Europe: essays on the morphology of world history. Vol. 1*. Russ. ed. Moscow, Mysl' Publ. (In Russian)
- Spengler, Oswald. 2007. *Years of decisions. Germany and world historical development*. Russ. ed. Ekaterinburg, U-Faktoriia Publ. (In Russian)
- Stalin, Joseph V. 1948. "Closing remarks at the 7th expanded Plenum of the ECCI on December 13, 1926". *Stalin J. V. The Writings. Vol. 9*, 62–151. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
- Stalin, Joseph V. 1949a. "On issues of agrarian policy in the USSR. Speech at the conference of Marxist agrarians on December 27, 1929". *Stalin J. V. The Writings. Vol. 12*, 141–172. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
- Stalin, Joseph V. 1949b. "On the Right-Wing Incline in the CPSU (B.). Speech at the Plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the CPSU (B.) In April 1929". *Stalin J. V. The Writings. Vol. 12*, 1–107. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russian)
- Tugan-Baranovsky, Mikhail I. 1996. *Towards a better future: collection of social-philosophical works*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ. (In Russian)

Received: May 22, 2019
Accepted: February 19, 2020

Author's information:

Eugeniy B. Khokhlov — Dr. Sci. in Law, Professor; e.hohlov@spbu.ru